

О новом прочтении «Келасурской» надписи.

В.А. Чирикба.

В 1888 г. житель Абхазии В. М. Шервашидзе сдал в петербургский Эрмитаж (Отдел Древностей) инталию с выгравированными тремя портретными изображениями и надписью греческими буквами (Эрмитаж, Отдел Востока, инв. № ω = 1170).¹ Хотя точных данных о месте находки инталии не сохранилось, на основании некоторых архивных данных предполагается, что она была найдена где-то в районе впадения р. Келасур в Черное море, т.е. недалеко от Сухума (см. Кинжалов 1960: 99). Впервые краткая информация об этом резном камне появилась в статье М. И. Максимовой в 1926 г., которая о нем пишет (III, 2, № 13): «...сердолик в античной золотой оправе. Три портрета очень поздней эпохи, вероятно V в. Надписи с именами восточного характера».

Специальная работа, посвященная анализу этой инталии, принадлежит Р. В. Кинжалову (1960), который подробно описывает сам памятник и касается его возможных аналогов в античном мире, в том числе среди схожих памятников найденных в Закавказье, а также датировки артефакта и иконографии выгравированных на нем изображений. По характеру резьбы, моделированию изображений и палеографии греческих букв Кинжалов относит инталию к последней четверти III – первой четверти IV в. н.э., но делает вывод о невозможности определения места изготовления инталии исходя лишь из ее стилистических особенностей; анализ же надписи заставляет его предположить ее местное закавказское происхождение.

Следующее описание инталии и анализ надписи опубликованы в статье известного кавказоведа и дешифровщика письмен Г. Ф. Турчанинова «Древнейшая, IV в. н.э. осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталии из Эрмитажа» (Орджоникидзе, 1960) в Сборнике Северо-Осетинского НИИ. Статья эта полностью вошла в известную книгу Турчанинова «Памятники письма и языка народов Кавказа и восточной Европы» (с. 100-105). Вот краткое извлечение из описания памятника Турчаниновым: «В Государственном Эрмитаже в Ленинграде (...) хранится инталия с тремя подгрудными, помещенными справа налево, изображениями женщины, юноши и мужчины и с надписью греческого письма, по-гречески не интерпретируемой. (...) Инталия представляет собой плоский оранжево-красный овальной формы сердолик, заключенный в золотую оправу. (...) С боков и с нижней части оправы имеются ушки, указывающие на то, что инталия была составной частью какого-то украшения. Размер инталии с оправой равен 3.9x5.15 см, самого камня – 2.5 x 3.4 см. (...)». С учетом популярности имени Нина именно после 340 г. (год смерти святой Нины, проповедницы христианства в Грузии), Турчанинов (с. 103) относит надпись ко второй четверти IV в.

О надписи Турчанинов пишет следующее: «По овалу на сердолике вырезана надпись греческого письма. Она начинается слева от изображения женщины. Здесь

¹Вместе с этой инталией В.М. Шервашидзе продал в Эрмитаж также золотой ажурный перстень, украшенный сардониксом и сердоликами, но без изображений или надписей (инв. № Д-172); см. Кинжалов (1960: 99).

снизу вверх, как бы по овалу, вырезано NINAC. Справа от юноши отчасти над его головой, с небольшим наклоном вправо, в том же письме читаем OYHZ и за головой мужчины, сверху вниз, - ANHC. В нижней части камня, под погрудными изображениями, слева направо читается OYAPHOYHC».

Полностью надпись выглядит следующим образом:

NINAC OYHZ ANHC OYAPHOYHC
(Nivaσ ouηζ ανης ουλρηουης)

Первый интерпретатор надписи, Р.В. Кинжалов, предположил, что все четыре слова являются именами, из них верхние три личными, а нижнее – либо общим родовым именем всех трех лиц, либо, что менее вероятно, именем резчика, однако интерпретация имен, кроме первого имени, предположительно женского имени Нина, ему не удалась, так как предварительные поиски аналогов остальных имен в грузинской, греческой, иранской, семитической, коптской или северопричерноморской ономастике не дали никаких результатов (с. 102-103).

Г.Ф. Турчанинов прочел надпись, которую он назвал по месту предполагаемой находки «келасурской», на староосетинском (аланском) языке. Автор объясняет, почему он посчитал текст осетинским: в нем присутствуют единообразные окончания слов на *-с*, что он интерпретировал как иронскую форму 3 л. ед. ч. настоящего времени вспомогательного глагола *ис* «быть». Все слова, таким образом, оканчивались, по его интерпретации, на глагол «быть». Турчанинов прочел надпись следующим образом: *«Нина есть. Ее семейство есть. На груди есть»*.

Проанализировав текст, я нашел справедливым довод Турчанинова о том, что надпись выполнена сплошной строкой (см. несимметричность второго слова над головой юноши). Это означает, что словораздел на камне является лишь графическим, но не лексическим, и что его можно делать иначе. Кроме того, эта несимметричность может указывать на то, что перед нами, скорее всего не имена, а часть фразы. И наконец, это означает, что в таком случае вовсе не обязательно видеть здесь всюду окончания *-ис*. Это первое критическое замечание по поводу прочтения надписи на староосетинском.

В интерпретации Турчанинова надпись представляет собой иронский диалект с некоторыми чертами дигорского, как известно, более архаичного. Однако автор отмечает, что в случае прочтения надписи на дигорском диалекте, «многое окажется в ней объяснить трудно, кое-что невозможно» (с. 105). Это – вторая нестыковка, касающаяся предположительного языка надписи: неясен диалект, на котором написан текст.

Имеются нестыковки и в лексическом анализе: слово *зан* приведено без суффикса *-æг* и интерпретируется Турчаниновым в ином значении, чем нынешнее иронское *зан-æг* – не «потомство», а «семейство».

Следующая лингвистическая проблема: хотя текст автором понимается как иронский, но фразу *ул-риу ис* «на груди есть» он читает по-дигорски: *уæл-реу йес*.

Следующая проблема – семантическая: в надписи, по Турчанинову, речь идет о семействе Нины, т.е. женщины, тогда как на инталии, скорее всего, изображена семья: средних лет мужчина, средних лет женщина и юноша, скорее

всего их сын. В этом контексте фраза «семейство Нины» озадачивает, поскольку логичнее было бы помещение в надписи имени мужа. Отмечая эту проблему, Турчанинов (с. 104) предполагает, что речь идет об отражении матриархата у алан 4 в., что выглядит несколько натянутым и не вполне согласуется с историческими данными.

С учетом всех этих неувязок, возникает вопрос: является ли интерпретация Турчаниновым надписи как (старо)осетинской единственно возможной? Симптоматично в этой связи, что прочтение этой надписи на осетинском языке, насколько я могу судить, обходит молчанием крупнейший эксперт в области осетинского и иранских языков В.И. Абаев. Обходит ее молчанием, давая сводку аланских надписей, и Р. Шмитт, автор предисловия к новейшей книге Августи Алеманя «Аланы в древних и средневековых письменных источниках». Вот что он пишет: «... известные свидетельства этого аланского языка очень скудны, и состоят лишь из средневековой надписи на надмогильном памятнике, найденном в северных предгорьях Кавказа, двух строк текста (и их перевода) в византийско-греческой поэме, а также из значительного числа слов и названий, сохранившихся в разнообразных источниках на многих языках» (с. 17-18). Как видим, и здесь никакого упоминания «келасурской надписи».

Тот факт, что чтение надписи на осетинском языке в интерпретации Турчанинова наталкивается на ряд трудностей, и то, что это чтение не было, по всей видимости, одобрено экспертами по осетинскому языку, указывает на то, что надпись может представлять собой, возможно, памятник другого языка. С учетом того обстоятельства, что инталия представляет местный продукт,² что она найдена на территории Абхазии, и что язык надписи хотя и выполнен греческими буквами, но не является греческим, можно попытаться прочесть эту надпись на местном с точки зрения местонахождения находки языке, т.е. на абхазском.

Надпись **Nivas ouηζ ανης ουλρηουης**, несколько меняя словораздел, можно попытаться проинтерпретировать следующим образом:

Вариант 1:

греч. надпись	Nivas	ουηζα-νης	ουλρ	η-ουης
транскрипция	нинас	уиза-нис	улр	и-
уис				
абх. чтение	Нинас	юыза-ныс	1улр	и-
уыс				
перевод	Нинас	друг-во имя	?имя	его-работа

²Кинжалов (с. 100) пишет, что хотя мастер, изготовивший инталию, был несомненно, «хорошо знаком с античными резными камнями, в своем произведении, однако, следовал какой-то иной (не античной, не парфянской и не сасанидской) художественной традиции». Отмечая нетипичную для античной эпохи стилистику портретных изображений вырезанных на камне, один из моих консультантов-историков не исключил и возможность подделки, однако вероятность этого весьма мала ввиду исследования предмета цитируемыми выше экспертами Эрмитажа. Другим объяснением этому обстоятельству, как отметил Турчанинов (с. 194), может служить местное, кавказское происхождение этого древнего ювелирного изделия. Того же мнения придерживался и Ш.Д. Инал-ипа (1976: 239), который отмечал, что «Ярко выраженный «варварский» характер ее исполнения дает основания предполагать, что эта гемма также принадлежала какому-нибудь местному князьку».

Во имя/для моего друга Нинаса ?улр его работа.

Возможен и несколько иной словораздел:

Вариант 2:

греч. надпись	Niva	σ-ουηζα-νης	ουλρ	η-ουης
транскрипция	нина	с-уиза-нис	улр	и-уис
абх. чтение	Нина	с-юыза-ныс	1улр	и-уыс
перевод	Нина	мой-друг-во имя	?имя	его-работа

Во имя/для моей подруги Нины ?улр его работа.

Фонетические особенности надписи.

- 1) Как **и** (в заимствованном имени **Нина**), так и **ы** передаются через греч. букву **ι**.
- 2) Турчанинов пишет (с. 104), что по сообщению крупного русского эллиниста И. М. Тронского, буква **η** (эта) произносилась в IV в. как **и**, а не **е**, как в древнегреческом. Таким образом, графема **η** передает и гласный **ы**, и **и**, а последнее является в абхазском фонетической реализацией сочетания **йы**.
- 3) Абх. **юыза** «друг» в древнем языке звучало, как и в современном абазинском, в виде **ГЪыза**, т.е. с лабиализованным звонким огубленным фарингалом **ГЪ**, что передается в нашей надписи через сочетание **ουη** (**уи**). Фарингал **ГЪ**, таким образом, не получает своего графического отражения (кроме элемента лабиализации) и передается точно так же, как абх. сочетание **уы** в **η-ουης** = **и-уыс**.

Лексические особенности надписи.

1) Первое слово надписи, **Niva**, по-видимому, вслед за Кинжаловым и Турчаниновым, можно действительно идентифицировать как женское имя Нина, принимая при этом трактовку Турчаниновым историко-культурологического контекста, связанного с этим именем в Грузии и на Южном Кавказе, а также возможную датировку памятника второй четвертью 4 в. н.э.

2) Во фразе **σ-ουηζα-νης с-юыза-ныс** «во имя моей подруги/друга», в качестве послелога представлена архаичная морфема **-ныс**, которая сохранилась в древних абхазских формулах (напр. **анцъа и-ныс** «клянусь богом!», **сан л-ныс** «клянусь своей матерью!», **схъыЗбъа р-ныс** «клянусь своими детьми!»). В надписи морфема представлена слитно с основой, без обязательного в современном языке префикса посессивности. Объяснением опущения префикса посессивности может являться лапидарный характер надписи. Можно решить проблему отсутствия грамматического согласования и иным членением фразы: **с-юыза-ны 1сулр и-уыс** «дружкой/в качестве дружбы ?сулр его-работа».

3) Слово **ουλρ** = **улр** (или **?сулр**) остается нерасшифрованным и, возможно, представляет собой имя мастера, с которым согласуется в роде (муж.) и числе (ед.ч.) связанное с ним следующее слово: **η-ουης** = **и-уыс** его-работа.

Заключение.

Изложенная здесь попытка прочтения надписи на древнеабхазском языке представляет собой, конечно, гипотезу. Однако, ввиду нахождения надписи в Абхазии и ее негреческий язык, возможность ее прочтения на местном языке, то есть на абхазском, весьма высока и, во всяком случае, представляется вполне законной альтернативной гипотезой ее прочтению на древнеосетинском (аланском) языке.

Литература.

Алемань, А.

2003 Аланы в древних и средневековых письменных источниках (перевод с англ.). Москва: Менеджер.

Инал-ипа, Ш.Д.

1976 Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Алашара.

Кинжалов, Р.В.

1960 Резной сердолик Государственного Эрмитажа (К вопросу об ономастике Закавказья III-IV вв. н.э.). В: Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И.А. Орбели. Москва-Ленинград, с. 98-104.

Максимова, М.И.

1926 Античные резные камни Эрмитажа. Ленинград.

Турчанинов, Г.Ф.

- 1960 Древнейшая, IV в. н.э., осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталии из Эрмитажа. В: Известия Северо-Осетинского Научно-исследовательского Института. Т. XXII, вып. IV (история). Орджоникидзе, с. 189-195.
- 1971 Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Ленинград: Наука.